

*Коллекционеры зла:
викторианский детектив*

Парэк О'Доннелл

ДОМ

В ВЕЧЕРНИХ

ПЕСКАХ

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
О-44

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Paraic O'Donnell
The House on Vesper Sands
© Paraic O'Donnell, 2018
This edition published by arrangement with Conville & Walsh Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Редактор серии *Ю. Чернова*
Оформление серии *Е. Елькиной*

О'Доннелл, Парэк.

О-44 Дом в Вечерних песках : [роман] / Парэк О'Доннелл ; [перевод с английского И. Новоселецкой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Коллекционеры зла. Викторианский детектив).

ISBN 978-5-04-116098-2

Лондонская зима 1893 года выдалась особенно снежной. Преследуемый бурей, Гидеон Блисс ищет убежище в церкви. Там, у алтаря, едва в сознании лежит девушка по имени Энджи Таттон, шепчущая что-то о Похитителях душ. Вспышка света, тьма — и Энджи исчезает.

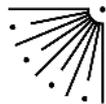
Снежные вихри подхватывают белошвейку, переступающую через оконную раму. Прямо на коже она вышла загадочное послание. Его предстоит разгадать Скотленд-Ярду и отважной журналистке Октавии Хиллингтон, которая наконец нашла достойное дело на смену бесполезной светской хронике.

Октавия и Гидеон оказываются влетены в одну и ту же мистическую сеть — обоим предстоит раскрыть тайну смерти белошвейки, найти Энджи и рассеять тьму, стгуающуюся над Лондоном.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-116098-2

ОБ АВТОРЕ

Параик О’Доннелл — прозаик, поэт и критик. Его очерки и критические статьи печатают на своих страницах *Gardian*, *Spectator*, *Irish Times* и другие издания. Первое художественное произведение О’Доннелла, *The Maker of Swans* («Создатель лебедей»), в феврале 2016 года было признано одним из лучших дебютных романов месяца по версии «Амазон» и вошло в шорт-лист на присуждение ирландской литературной премии *Bord Gáis Energy* в номинации «Новичок года». Вместе с женой и двумя детьми Параик О’Доннелл живет в Уиклоу (Ирландия).

paraicodonnell.com

[@paraicodonnell](https://www.instagram.com/paraicodonnell)

Другие произведения Параика О’Доннелла:

The Maker of Swans’ («Создатель лебедей»)

... Что станется с моей душой...

Элизабет Паркер

(сэмплер, вышивка крестом, лен, красный шелк, ок.
1830 г. Коллекция музея Виктории и Альберта в Лондоне)

Параик О’Доннелл

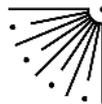
Но ангелы суть духи, и когда они просто духи, они — не ангелы; ангелами они становятся, когда посланы возвещать волю Божию.

Августин Блаженный. «Толкования на псалмы»

Явись, желанный мой, явись хоть тенью, могильным призраком, виденьем сонным!

Еврипид. «Геракл» (пер. И. Анненского)

I

REQUIEM AETERNAM¹

Февраль 1893 г.

Эстер Тулл шла по Хаф-Мун-стрит и на подходе к особняку ощутила ласковое прикосновение первого снега.

Перед крыльцом она остановилась, опустила на землю саквояж и рукой в перчатке схватилась за перила. Не потому, что почувствовала слабость, хотя ей нездоровилось: боль возвращалась, но пока еще была терпимой. Просто ей хотелось посмотреть вверх. Скромное незамысловатое желание, оно возникло тотчас же, как первые снежинки задели щеку. Какие же они воздушные! Почти теплые на морозе. Ребенком Эстер на снег взирала с непостижимым изумлением. Словно наблюдала некое волшебство. Снег преображал мир, окутывая его безмолвием. Ею, как в детстве, овладел порыв подставить лицо под рой белых хлопьев, бесшумно кружащих в темноте.

---

¹ Requiem Aeternam (*лат.* «Вечный покой») — в христианстве начальные слова заупокойной молитвы.

Эстер подавила соблазн. Нечего задирать голову. Теперь-то какая от этого радость? Уж во всяком случае, не в этом месте и не в этот вечер. Она отняла левую руку от перил и с правой стянула перчатку. Потом осторожно повернула ее ладонью вверх и, закрыв глаза, стала ждать. Легкое головокружение, затем — крошечный укол холода.

Перед входной дверью она собралась с мыслями и подняла к звонку руку. Огляделась, раздумывая. Черный ход, которым пользовалась прислуга, Эстер был привычнее, но некоторое время назад ей велели заходить с парадного крыльца. Объяснений на этот счет Эстер не получила, а лишних вопросов, она знала, лучше не задавать. Эстер повернула медную ручку звонка. Как всегда, пройдет не одна минута, прежде чем мистер Кару соизволит ее впустить. Разумеется, когда требовалось, он умел быть расторопным, но, сворачивая с Пикадилли, Эстер слышала, как колокол церкви Святого Иакова пробил половину девятого. В этот час гостей не принимали. Во всяком случае, в этом доме.

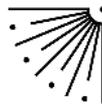
Наконец мистер Кару открыл дверь и поприветствовал ее в своей обычной манере: опустил утопающий в жировых складках подбородок и вскинул руку, предупреждая, что прежде ему нужно прокашляться.

— А-а, мисс Тулл. — Он глянул поверх ее головы. — Скверную погоду вы с собой принесли. Будем надеяться, его светлость из-за этого не задержится.

Эстер промолчала в ответ. Просто стояла на верхней ступеньке, ожидая, когда дворецкий предложит ей войти. Мистер Кару еще с минуту смотрел на улицу, а потом, словно вспомнив про Эстер, снова обратил на нее взгляд. Наклонившись к ней, он демонстративно снял воображаемую соринку с ее пальто, внимательно рассмотрел кончики своих пальцев и только потом сказал:

— Входите, мисс Тулл. — Мистер Кару встал боком в дверях, оставив для нее ровно столько места, чтобы она могла протиснуться мимо него. — А то что толку от вас будет, если вы околеете на крыльце?

ДОМ В ВЕЧЕРНИХ ПЕСКАХ

Эстер последовала за ним через просторный холл, где на подставках и в сумрачных нишах стояли предметы искусства, особенно ценимые лордом Страйтом. Она никогда пристально не разглядывала их — не считала, что вправе это делать. Обычно ее без лишних церемоний препровождали к лестнице для прислуги в глубине дома. Но сейчас мистер Кару остановился перед пустым постаментом.

— Сегодня вечером его светлость отправился с визитом к леди Ашенден. Она дает бал в его честь. По всей видимости, роскошное должно быть торжество. Помните, какой экспонат здесь стоял?

Эстер растерянно смотрела на постамент.

— Если б снова увидели, непременно бы вспомнили, — заявил мистер Кару. — Это редкая птица, мисс Тулл, весьма примечательное создание, по словам его светлости. Ее нашли в Маньчжурии, кажется. У нее есть название, но оно вам ни к чему. Нечто вроде феникса, как я слышал. Уникальная вещь, даже для такой коллекции, как его. Сколько, по-вашему, она стоит?

Эстер обеими руками сжимала ручку своего саквояжа с принадлежностями для шитья. Ее смятение усиливалось, хотя она надеялась, что своим видом этого не выдает. Она покачала головой.

— А вы попробуйте предположить. — Мистер Кару чуть расставил ноги и сунул руки в карманы брюк, приняв не совсем пристойную позу: в ее присутствии, считал он, можно позволить себе такую вольность. Эстер отвела глаза в сторону.

— Вы бледнее, чем обычно, мисс Тулл. Вам нездоровится?

— Я вполне здорова, мистер Кару. — Эстер осторожно втянула в себя воздух.

— Тогда ладно. И все же, выскажите догадку, сделайте милость. Вы же не хотите убедить меня, что не знаете цены вещам?

Дворецкий открыто ухмыльнулся. Вот уже много лет Эстер вела честную жизнь, но так было не всегда. Лорду

Страйту и его прихвостням было известно о ее прошлом, и они не забывали ей о том напоминать.

— Мистер Кару, я понятия не имею, сколько это может стоить. Я не разбираюсь в таких вещах.

Лицо его исказила недовольная мина.

— Мисс Тулл, все же позвольте себе сделать одно предположение, будьте так любезны.

Эстер отвела назад плечи и испустила протяжный вздох.

— Десять фунтов, — произнесла она.

Мистер Кару в ужасе отшатнулся от нее, хватаясь рукой за лоб.

— Ох, мисс Тулл, — сказал он, снова приближаясь. — Десять? Десять фунтов? По-вашему, это большие деньги?

Он отвернулся, трясаясь от беззвучного смеха.

— Десять фунтов, ну и ну, за птицу, которая почти что родня фениксу? За птицу, которая могла бы восстать из пепла?! Да это же практически бесценная вещь! Но его светлость настолько великодушен, что намерен выставить ее на аукционе, который состоится на балу. Выручка пойдет на нужды его нового учреждения. — Не получив от Эстер ответа, он снова стал серьезным и повторил: — Настолько он великодушен, мисс Тулл.

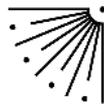
Та молчала — язык не поворачивался что-то сказать — и лишь склонила голову, изображая почтительность. Мистер Кару, догадывалась Эстер, не был удовлетворен, но, на ее счастье, внимание дворецкого отвлекло появление мальчика-слуги, которого она раньше встречала в доме несколько раз. Хилый юнец тринадцати-четырнадцати лет держал в руках огромный букет белых цветов в половину его роста.

— Прошу прощения, мистер Кару, — обратился тот к дворецкому. — Вы велели известить вас, когда доставят цветы.

— Иди и поставь их в воду, болван, пока ковер не испортил. Пыльца лилий — сущее наказание. Мастер пришел?

— Еще нет, сэр.

ДОМ В ВЕЧЕРНИХ ПЕСКАХ

— Сообщи, когда прибудет. Его светлость оставил указания. А теперь проваливай. — Кару вытащил округлые карманные часы и, глянув на них, неодобрительно поцокал языком. — Пойдемте, мисс Тулл, — сказал он таким тоном, будто мастер задерживался по ее вине. — У нас нет времени стоять тут и паяться всю ночь.

Мастерская находилась на четвертом этаже. Мистер Кару проворством не отличался и поднимался медленно. После каждого лестничного пролета он останавливался и начинал суетиться по поводу какого-нибудь пустяка — стирал невидимое пятно или проверял состояние фитиля в одном из светильников, — пока дыхание не выравнялось. Прежде Эстер часто раздражало, что ей приходится приноравливаться к его неспешному темпу. Дорогу до мастерской она хорошо знала и без сопровождающего могла бы подняться туда в два раза быстрее. Но сегодня она была рада, что вынуждена плестись за ним, не тратя лишних сил. Подъем разбередил раны. Она чувствовала, как они лопаются и горят. Если боль усилится, она не выдержит и застонет. Так или иначе выдаст свое недомогание.

Мистер Кару неуклюже тащился вверх, вроде как ни о чем не догадываясь, да и сама Эстер ничего необычного не замечала. Какой-то лакей с перекинутым через руку бархатным плащом, видимо после чистки, при их приближении отступил в сторону. Они прошли мимо дверей, из-за которых доносились тихие голоса или приглушенный гомон слуг, обсуждавших некое непонятное, но срочное дело. В этом доме много чего происходило, оставаясь тайной для окружающих.

Убран особняк был вполне элегантно, но его освещение оставляло желать лучшего. Газовые светильники, кои ныне были в моде во многих богатых домах, лорд Страйт не жаловал, и большинство помещений скупо озаряли лишь две-три масляные лампы. Горели они менее ярко, зато свет давали более естественный, утверждал он. Портьеры и обои были унылых тонов, либо они просто потемнели и выцвели за долгие годы. Их в свое время подобрал лорд Страйт-стар-

Параик О'Доннелл

ший, и его сын с тех пор ничего не менял. Его светлость так и не женился, и, возможно, хлопоты по обновлению интерьера когда-нибудь лягут на плечи его сестры. Однако леди Ада в Страйт-хаус не жила. Ее мнения в подобных делах никто не спрашивал.

Верхний этаж, когда они наконец поднялись туда, как всегда, кутался в темноту. Лестничная площадка представляла собой узкий коридорчик, лишенный всякого убранства, не считая стола и стула у двери в мастерскую, где обычно располагался мистер Кару, пока Эстер работала внутри. По обыкновению она остановилась у лестницы, ожидая, когда он зажжет скромный светильник, что стоял на столе, и сядет на стул.

— Ну вот, мисс Тулл, — произнес дворецкий, рассматривая носовой платок, которым он промокнул вспотевший лоб, — мы в очередной раз исполнили свою епитимью. Насколько я понимаю, сегодня вы должны закончить свой заказ, а потом, бог даст, в следующие несколько недель можно будет расслабиться. Знаете, что лорд Страйт говорит о нас?

Эстер покачала головой, хотя знала прекрасно. Эту свою речь Кару повторял каждый раз, фактически слово в слово.

— Он говорит, что мы с вами, вероятно, уже стали завзятыми альпинистами, любую вершину Европы покорим. — Мистер Кару схватился за живот, словно сдерживая смех. — Завзятыми альпинистами! Ну надо же!

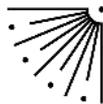
Он ждал, и Эстер, чтобы убажить его, издала смешок, внезапно вызвавший приступ боли. Она сдвинула перед собой руки, чуть приподняв на весу саквояж.

— Да, он большой шутник, — продолжал мистер Кару. — Большой шутник. Не спускай глаз с мисс Тулл, говорит, ибо ей присущ неукротимый дух горцев. Того и гляди сорвется и бросится покорять Маттерхорн¹. И, знаете, ду-

---

¹ М а т т е р х о р н — вершина в Пеннинских Альпах на границе Швейцарии. Высота — 4478 метров над уровнем моря.

маю, он прав. Но вы ведь не собираетесь никуда срываться, а, мисс Тулл?

Эстер смотрела на ручку саквояжа, которую она сжимала так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Я очень устала, мистер Кару, а впереди, боюсь, долгая ночь. Насколько я понимаю, мерки новые. А работы всегда много, если мерки меняют в последний момент.

Не отвечая, он скользил по ней взглядом — рассматривал с ног до головы, словно производил инвентаризацию.

— Это очень затейливое одеяние, — добавила Эстер. — Требуется кропотливой и тонкой работы.

Мистер Кару непременно услышал бы беспокойство в ее голосе, если бы она не выдала себя по-другому. Эстер снова почувствовала, как будто что-то стало пульсировать на коже. Где-нибудь это проявится. И он увидит.

— Совершенно верно, мисс Тулл, — промолвил наконец дворецкий. — Хотя я и без ваших напоминаний знаю, что лорд Страйт весьма обстоятелен в своих требованиях. Дальше, чем нужно, я не стану вас задерживать. Но прежде чем вы войдете, я попрошу вас открыть свой саквояж и выложить на стол все, что в нем есть. — Мистер Кару провел рукой по желтоватой скатерти, словно расчищая стол, хотя на нем стояла одна лишь лампа. Потом он удобнее устроился на стуле и принял вид благодушного ожидания.

— Что в нем есть, — как дурочка, в недоумении повторила Эстер, сознавая, что от натуги в ее голосе появилась сиплость. Она чувствовала также, что у нее немеют лицо и шея, и это усиливало ощущение дискомфорта.

— Вы сегодня как будто сама не своя, мисс Тулл. Да, выложите, пожалуйста, на стол содержимое вашего саквояжа. Эту же процедуру мы повторим, когда вы будете уходить. Разве для вас это в новинку? Как я могу быть уверен, что вы ничего лишнего не прихватили с собой, если мне неизвестно, с чем вы пришли?

— Это же давно было, мистер Кару. Я думала, что, может...

— Что, может, мы снова стали вам доверять? Его светлость — благожелательный человек, мисс Тулл, но далеко не дурак. Еще месяца не миновало с тех пор, как мы обнаружили в вашем саквояже вещи, которые вам не принадлежали.

— Мистер Кару, я знала, что вы их хватитесь, но просто хотела доделать работу дома. Зачем бы еще я стала их брать? За кого вы меня принимаете?

Взгляд дворецкого потемнел, с угрожающим видом он медленно поднялся со стула. Эстер отпрянула, хотя знала, что гнев его притворный. Не по делу разболталась, отругала она себя.

— Вы забываетесь, мисс Тулл, — сказал мистер Кару. — Вас никто ни в чем не обвинял. Во всяком случае, пока. Однако его светлость на сей счет оставил четкие распоряжения. Вы не должны приносить ничего, кроме принадлежностей для шитья, и тем более ничего не выносить. Лорд Страйт полагал, что он ясно выразился. Но, возможно, вы его не поняли.

Эстер почувствовала, что ее покачивает. И не только от боли. Она не ужинала и вообще ничего не ела с самого утра.

— Он ясно выразился, мистер Кару.

— Очень хорошо, мисс Тулл. — Дворецкий наклонил голову, лбом почти касаясь ее лба. — Я очень рад это слышать. Значит, вы помните, что особенно его заботит?

— Помню.

— Помните его слова?

— Помню... помню, мистер Кару, только не точь-в-точь.

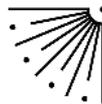
— Его светлость держит много слуг, дает работу многим лавочникам и ремесленникам. У каждого из них свои обязанности, но все должны соблюдать одно условие. Помните, что это за условие?

— Да, мистер Кару.

— Какое же? Из вас что, каждое слово клещами тащить нужно? Какова первейшая обязанность человека, нанятого его светлостью?

— Держать язык за зубами, мистер Кару.

ДОМ В ВЕЧЕРНИХ ПЕСКАХ

— Не слышу. — Он поднес ладонь к своему мясистому уху.

— Держать язык за зубами, мистер Кару.

Дворецкий подождал еще несколько секунд и затем отстранился от Эстер. Она стояла, опустив глаза, но чувствовала на себе его пристальный взгляд.

— Что ж, очень хорошо. — Он снова сел. — Приступайте, мисс Тулл.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы опустошить саквояж. Она и без того нервничала, а под его пронизывающим оком и вовсе стала неуклюжей — шилом проткнула манжету своего платья, выронила ножницы. Когда все вещи были выложены, оказалось, на столе уже почти не осталось свободного пятка. Фасон одеяния, что ей заказали, действительно был очень сложный, а швейная машинка годилась лишь для самых простых стежков. Пожалуй, в ее наборе приспособлений не было ни одного, которым бы она не воспользовалась за последние недели.

Мистер Кару взял лампу и, медленно водя ею над столом, стал светить на катушки и наперстки, на иглы и крючки, время от времени переворачивая или беря в руки тот или иной предмет, чтобы рассмотреть его по-лучше. Вряд ли ему известно предназначение хотя бы половины из этих приспособлений, подумала Эстер. Тускло блеснуло лезвие стилета, который он поднес к свету. Им обычно прорезали отверстия, но его длинный острый клинок вполне мог бы послужить и для менее благих целей. Мистер Кару положил нож и поставил лампу на место. Затем повернулся к Эстер и зевнул, не удосуживаясь прикрыть ладонью рот.

— Теперь сам саквояж, мисс Тулл, будьте любезны.

В лице дворецкого отразилось невероятное удовлетворение, когда Эстер подала ему пустой саквояж. Мистер Кару открыл сумку и сначала рассмотрел под лампой ее нутро, растормошил, проверяя каждый уголок, потом принялся ощупывать руками. Эстер подумала, что в саквояже, должно быть, не осталось ни одного квадратного дюйма под-

